

Екатерина Свет
Таня Белкова

**МОЙ ХИРУРГ-
ТРАНСПЛАНТОЛОГ**

ЖИВОЙ ДАР

Таня Белкова

**Мой хирург-
трансплантолог. Живой дар**

«Автор»

«Автор»

2026

Белкова Т.

Мой хирург-трансплантолог. Живой дар / Т. Белкова — «Автор»,
«Автор», 2026

Пятьдесят миллионов за подпись — и сердце, которого ждёт шестнадцатилетняя девочка, достанется олигарху. Я, Злата Воронова, координатор трансплантации, захопываю чемодан с деньгами. Только вооружённые гости не собираются уходить. Между мной и ними встаёт Лев Мещерский — хирург-трансплантолог, который не отступает перед угрозами. Он не продаёт пациентов. И не отдаёт тех, кого решил защитить. Мы боремся за одну жизнь, а я всё чаще ловлю себя на том, что жду его прикосновения. За холодной решимостью Льва скрывается мужчина, однажды жестоко преданный. Но враги готовят мне обвинение, способное отнять профессию и свободу. Сумеет ли мы отстоять правду, когда на кону уже не только сердце нашей пациентки, но и наши собственные?

© Белкова Т., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Екатерина Свет

Мой хирург-трансплантолог. Живой дар

Мой хирург-трансплантолог. Живой дар

Екатерина Свет и Таня Белкова

Глава 1

Сентябрьская штормовая ночь за панорамными стеклами хирургического корпуса швыряла в темноту пригоршни колючего ливня. Ветер налетал шквалами, от которых вибрировали алюминиевые рамы, а в узких шахтах стоял низкий гул. На часах светилось 01:15.

Я сидела перед монитором в кабинете координатора трансплантации на седьмом этаже. Тёмно-синий костюм привычно охлаждал плечи, волосы были стянуты в тугий жгут. На экране пульсировал зеленый свет государственного донорского регистра.

Полина Морозова. Шестнадцать лет. Номер один в листе ожидания.

Тремя этажами ниже, в боксе детской реанимации, эта девочка угасала. Дилатационная кардиомиопатия сожгла её миокард. Фракция выброса левого желудочка упала до одиннадцати процентов. Огромное истонченное сердце едва подрагивало, легкие захлебывались отеком. Если донорский орган не окажется на операционном столе этой ночью — к утру спасти будет некого.

Интерком взорвался резким зуммером.

— Воронова на связи, — выдохнула я в микрофон.

— Злата Романовна, диспетчер санавиации, — голос сквозь помехи звучал глухо. — Борт Ми-8 с донорским сердцем над Тверской областью. Впереди грозовой фронт, порывы ветра двадцать два метра в секунду. Метеослужба закрывает воздушный коридор. Экипаж запрашивает посадку на запасной во Внуково либо возврат!

Пальцы впились в край стола:

— Какое Внуково?! Оттуда по забитой кольцевой реанимобиль будет ползти полтора часа! У нас подросток на вводном наркозе с отеком легких! Холодовая ишемия перевалила за два часа! Если борт уйдет на запасной — сердце погибнет в дороге!

— У меня штормовой регламент! — рявкнул диспетчер. — Видимость на вашей крыше двести метров! Кто возьмет ответственность за посадку винтокрылой машины на мокрый пятак?!

Я вогнала криптографический ключ Рутокен в порт терминала и прижала палец к сканеру. На экране вспыхнула плашка усиленной электронной подписи:

— Говорит координатор Воронова. Вся персональная и уголовная ответственность за прием борта на мне. Номер протокола — семьдесят четыре дробь ноль один. Присваивайте рейсу литер «Жизнь» и заводите борт на нашу площадку! Немедленно!

Секундная пауза. Затем диспетчер выдохнул:

— Добро, координатор. Борт пошел на снижение. Расчетное время — семь минут. Встречайте.

Натянув непромокаемую ветровку, я бросилась к выходу на кровельный трап.

На крыше ледяной шквал едва не сбил меня с ног. Колючие струи ливня секли лицо. Сквозь тучи уже пробивался тяжелый вибрирующий рокот турбин Ми-8.

— Злата Романовна, назад! — дежурный техник в тулупе вцепился в мой рукав. — Площадка залита водой! Прожекторы залило, створ погас! Пилот идет вслепую, я даю красную ракету на отмену!

— Не смей! — я вырвала руку, метнулась к щиту аварийного управления, сорвала ломиком пломбу и рванула вверх рубильник.

Четыре натриевых прожектора прорезали мглу слепящим янтарным светом, высветив мокрый рифленый круг с белой буквой «Н». Схватив два сигнальных оранжевых жезла, я включила стробоскопы и шагнула к краю створа, указывая вертолету точку глиссады.

Ми-8 вынырнул из черного облака в десятке метров над настилом. Воздушный поток от винта прижал меня к металлу. Машину качнуло, колесо шасси с лязгом чиркнуло по ограждению, но пилот выправил крен и посадил вертолет точно в центр круга.

Дверь отсека распахнулась. Авиамедик вытолкнул на рампу серебристый транспортный контейнер:

— Принимай, Воронова! Орган доставлен! Таймер тикает!

Я подбежала, пристегнув карабин к лееру, и вцепилась в рифленую рукоять аппарата. На панели вспыхнул оранжевый индикатор тревоги: от удара при посадке в контуре упало давление хладагента, температура подскочила до плюс девяти градусов!

— Завоздушило клапан! — крикнула я, падая на колени прямо в холодную воду на настиле.

Сорвав колпачок криокартриджа, я провернула вентиль продувки и трижды качнула мембрану насоса. Хладагент с шипением заполнил магистраль. Цифры на табло замерли на спасительных плюс четырех градусах. Но счетчик безопасного окна холодовой ишемии таял: оставалось меньше часа на имплантацию!

— На каталку! — скомандовала я санитару.

Парень схватился за ручки бокса, но на скользкой ступени его нога поехала вбок. Двадцать килограммов титана и живой ткани полетели вниз, на острые ребра лестницы!

Я бросилась вперед рыбкой, сдирая колени о рифленый настил, и за доли секунды до удара подставила предплечья под дугу ручки. Металл ударил по костям, но контейнер замер в моих руках:

— Поймала! Цел!

Мы влетели в теплый холл девятого этажа и рванули к грузовому лифту. На табло горело: «Пожарная блокировка. Кабина на 1 этаже». Кто-то намеренно сорвал датчик внизу, блокируя подъемники.

Я вогнула граненый стальной мастер-ключ координатора в сервисную скважину панели и провернула до щелчка, включив режим абсолютного клинического приоритета. Реле щелкнуло, и через двадцать секунд двери распахнулись.

В лифте карман завибрировал. На экране светился номер операционной:

— Злата Романовна! — шептала старшая операционная медсестра Вера Сергеевна Плетнева. — Не выходите в холл седьмого этажа! Там чужие! Четверо в штатском, охрану сбили с ног! Требуют отдать сердце для частной клиники! Они вооружены!

Я взглянула на ровный зеленый индикатор контейнера:

— Ни шагу назад, Вера Сергеевна. Мы входим.

* * *

Створки лифта на седьмом этаже разошлись. Я первой выкатила каталку с контейнером в ярко освещенный холл перед бронированными дверями санпропускника.

Посреди холла стояли четверо. Черные кашемировые пальто нараспашку, под ними — кевларовые жилеты. Впереди возвышался двухметровый мужчина с квадратной челюстью и пустыми глазами армейского ликвидатора — Родион Буров, начальник службы безопасности холдинга Германа Каверина.

Буров шагнул вперед, намертво перекрыв проход к шлюзу. Его боевики взяли нас в полукольцо:

— Доброй ночи, координатор Воронова. Орган перенаправлен. Отойдите от термобокса.

Я незаметно включила лежавший в кармане диктофон и встала вплотную к ручке контейнера:

— Вы в режимной стерильной зоне Федерального центра. Вы ворвались сюда с оружием и требуете чужой орган. Уберите людей от каталки, Буров. Через пять минут здесь будет Росгвардия.

Буров усмехнулся и сделал знак рукой. Подручный шагнул вперед, держа массивный титановый дипломат. С сухим щелчком крышка откинулась.

Холл озарился плотными рядами корешков пятидесятирублевых купюр в заводском целлофане.

— Здесь пятьдесят миллионов рублей чистыми, доктор Воронова. За эти деньги от вас требуется сущая мелочь: подписать акт выбраковки органа по несовместимости тканей. А сердце заберет реанимобиль клиники «Био-Прайм» для Германа Аркадьевича Каверина. Человека, который строит в этой стране заводы, а не умирает сиротой. Деньги или упрямство?

Я посмотрела на гору банкнот, затем в выпетшие глаза Бурова. В груди поднялась ледяная ярость. Мой отец умер в сорок восемь лет на разбитом узике скорой, спасая людей, пока такие, как Каверин, купали чиновников.

Я шагнула вперед и обеими руками с грохотом захлопнула крышку дипломата, едва не переломив Бурову палец:

— Человеческая жизнь не продается по прейскуранту вашего хозяина. В этом боксе — сердце для шестнадцатилетней девочки. Заберите макулатуру и убирайтесь вон!

Лицо Бурова потемнело. Он выхватил из кармана гербовый бланк с синей печатью:

— Тогда по закону, докторша! Распоряжение замминистра Смирницкого! Полина Морозова исключена из листа ожидания по тяжести статуса! Орган закреплен за Кавериним! Любое сопротивление — саботаж! Парни, взять контейнер!

Боевик шагнул ко мне, расстегивая кобуру под мышкой.

— Не трогай! — я заслонила контейнер собой.

В этот миг двери оперблока с шипением распахнулись.

В холл шагнул Лев Николаевич Мещерский.

Он был в темно-синем хирургическом костюме с короткими рукавами, обнажавшими жилистые предплечья. Широкоплечий, с угрюмым гранитным лицом и горящими из-под бровей стальными глазами. На руках уже были тонкие латексные перчатки.

Мещерский не стал тратить слова. Один молниеносный шаг вперед — и его правая рука железным капканом сомкнулась на запястье вооруженного боевика.

Короткий рывок на излом. Сухой хруст лучезапястного сустава разорвал воздух. Бандит взвыл, роняя пистолет, и рухнул на колени. Мещерский отшвырнул оружие сабо в угол и шагнул к Бурову:

— Ты кого собрался трогать в моем отделении, пададь? — низкий вибрирующий баритон Льва заполнил холл, заставив охранников замереть.

Буров попятился, тыча гербовым бланком:

— Мещерский! Осади! Вот приказ министерства! Орган Каверина! Ты вылетишь из профессии и сядешь, если тронешь хоть шов!

Лев двумя пальцами взял лист, взглянул... с ледяным презрением смял его в плотный комок и швырнул прямо в лицо начальнику охраны:

— В моем оперблоке распоряжаюсь я и закон. Эта бумажка состряпана бывшим начмедом Эдуардом Борисовичем Вайнштейном, и грош ей цена. На столе умирает ребенок. Если хоть одна собака шагнет к шлюзу — я переломаю вам позвоночники и спишу на вооруженное нападение. Пошли вон.

В глазах хирурга была такая беспощадная решимость, что Буров опустил руки.

— Каталку в шлюз, Злата, быстро! — бросил Лев.

Я вкатила контейнер в проем санпропускника. Буров попытался выставить армейский ботинок в створ, но Мещерский навалился плечом на створку, выбивая его ногу наружу. Я

ударила ладонью по красной кнопке аварийного шлюзования. Стальные ригели с пушечным лязгом вошли в пазы. Оперблок был наглухо запечатан.

В предоперационной пахло хлоргексидином и озоном. Когда засов встал на место, меня накрыл адреналиновый откат. Колени задрожали, дыхание перехватило, а пальцы затряслись так, что я не смогла расстегнуть молнию ветровки.

Горячие ладони легли поверх моих пальцев.

Лев стоял вплотную. Он осторожно перехватил мои кисти, сжал их в своих сухих руках и поднял к своему лицу:

— Дыши, Злата. Дыши. Ты вырвала это сердце у неба и у бандитов. Ты невероятная женщина. А теперь соберись. Там нас ждет наша девочка. Ты нужна мне у стола.

Его тепло смыло ледяной страх. Дрожь утихла. Сердце забилось ровно.

— Я готова, Лев Николаевич.

Лев сменил перчатки после столкновения в холле. Мы подготовились к работе у стола и вошли в оперзал.

Глава 2

Операционная номер один встретила нас гудением роликового насоса и свистом наркозного аппарата.

На столе под лампами лежала шестнадцатилетняя Полина — тоненькая, прозрачная, с синюшными губами вокруг интубационной трубки.

— Лев, катастрофа! — анестезиолог Борис Тихонов вскинул белое лицо. — При введении миорелаксантов давление рухнуло до пятидесяти на тридцать (50/30 мм рт. ст.)! Острая декомпенсация, миокард встает! Она не выдержит распил грудины на собственном кровотоке!

— Норадреналин струйно! — рявкнул Мещерский. — Грудину не пилим! Идем на экстренную бедренную канюляцию по Сельдингеру! Злата, скальпель одиннадцать, канюли шестнадцать френч!

Я подала инструмент. Надрез в паховой складке, обнажение бедренной артерии, игла, проводник — пластиковая канюля скользнула в сосуд за сорок секунд. Вторая вошла в вену.

— Перфузиолог, пуск АИК!

Магистралы аппарата налились алой кровью. Оксигенатор взял на себя кровоток. Давление поднялось до восьмидесяти пяти. Мозг девочки был вне опасности.

— Стернотом!

Пила рассекла грудину. Ранорасширитель развел ребра. Дряблкое, синюшно-серое сердце девочки занимало почти всю полость, едва сокращаясь.

— Зажимы на вены. Кардиоплегия.

Но при наложении зажима на восходящую аорту истонченная стенка дала продольный надрыв интимы. Ткань расползалась как бумага!

— Аорта в дисплазии, — глухо бросил ассистент.

— Полоску аутоперикарда на бранши зажима, Злата, — не повышая голоса, сказал Лев.

Я срезала полоску околосердечной сумки, пинцетом уложила под металл. Зажим сомкнулся герметично. Скальпель Мещерского отсек больной миокард. Отжившее сердце легло в лоток, оставив пустую полость средостения.

— Подавай трансплантат, Злата. Время!

— Три часа двадцать пять минут холодовой ишемии.

Я подала охлажденный орган в мокрой салфетке. Лев заглянул за заднюю стенку предсердия донора и замер:

— Анатомическая аномалия. Три отдельные легочные вены справа вместо единого коллектора. Если шить по стандарту — устья перекрутятся, будет тромбоз.

На часах таяли минуты. Я вспомнила методику Шумакова:

— Лев! Продольная фенестрация межвенозных мостиков с пластикой овальным лоскутом аутоперикарда! Объединим три устья в общую площадку и вошьем единым блоком!

Лев вскинул на меня горящий взгляд:

— Умница, Злата! Ножницы Поттса! Пролен четыре нуля!

Его пальцы творили чудо. За четыре минуты отдельные вены были объединены заплатой из перикарда в идеальный коллектор.

— Ледяную слякоть на миокард!

Я взяла канюлю и начала непрерывно орошать желудочки ледяным раствором slush, удерживая температуру органа на плюс четырех градусах.

Шов левого предсердия. Шов нижней полой вены. Лев вязал узлы на ощупь в глубине перикарда. Вдруг нить Пролен 5-0 зацепилась за край расширителя и лопнула у основания!

— Спокойно. Держи край вены пинцетом, Злата. Чуть на себя.

Лев перехватил иглодержатель, наложил дублирующий П-образный шов и затянул узел. Протечка исчезла.

При формировании шва легочной артерии старшая сестра шепнула:

— Задняя губа анастомоза подкравливает. Стенка рыхлая, повторный прокол разорвет ее.

— Дополнительный шов нельзя, — отрезал Лев. — Клеим биополимер. Злата, суши шов тупфером!

Я осушила ткань марлевым шариком. Лев нанес каплю двухкомпонентного биоклея BioGlue и прижал пластинку коллагена. Через две минуты полимер застыл, намертво запаяв стык артерии.

Нить Пролен 4-0 легла обвивным швом на аорту, анастомоз был укреплен манжетой из перикарда.

— Тихонов, согревание! — крикнула я, включая термоматрас Bair Hugger под бельем. — Температура тридцать шесть и пять!

— Анастомозы наложены, — произнес Лев. — Пускаем коронарный кровоток.

* * *

В операционной повисла мертвая тишина. На столике перестали звенеть зажимы.

В ране лежало неподвижное бледное сердце.

— Время ишемии? — спросил Лев.

— Три часа сорок восемь минут, Лев Николаевич. Запас времени почти исчерпан.

— Дальше ждать нельзя. Пускаю кровь.

Он плавно разжал бранши зажима Дебейки на аорте.

Алая артериальная кровь хлынула в коронарные сосуды. Восковая ткань трансплантата на глазах налилась густым багрянцем.

Но ритма не было.

Внезапно поверхность желудочков мелко и хаотично задрожала:

— Фибрилляция! — крикнул Тихонов. Монитор зашелся визгом. — Выброса ноль!

Лев опустил руки глубоко в рану, охватил сердце девочки широкими ладонями и начал мягкий гидродинамический массаж, бережно прокачивая кровь от верхушки к основанию:

— Тихо, маленькая... дыши, родное... Внутренние ложки дефибрилятора, десять джоулей!

Вера Сергеевна подала электроды. Лев прижал чашечки к открытому миокарду:

— Разряд!

Толчок сотряс грудную клетку. Сердце подпрыгнуло... и замерло.

На мониторе зеленая кривая ЭКГ вытянулась в прямую горизонталь. Полная асистолия.

— Стоит... — шепнул ассистент.

Секунда. Две. Три. Четыре. Воздух стал густым, как свинец. Неужели все зря? Шторм, крыша, разбитые колени — неужели смерть победила?!

— Злата! Кальций и лидокаин в корень аорты! — рявкнул Лев. — Тихонов, пятнадцать джоулей! Мы не отдадим ее!

Я вогнала иглу в порт аортальной трубки и выдавила раствор. Лев вновь прижал электроды:

— Разряд!

Второй удар тока. Тело девочки дернулось.

Снова прямая линия. Секунда... Вторая...

И вдруг основание желудочка дрогнуло.

Широкая мышечная волна прокатилась по миокарду. Сердце сделало первый толчок. Глубокий. Сильный. Живой.

Затем второй.

На экране взлетел высокий зубец R, расцветая идеальным синусовым ритмом!

Бип... Бип... Бип...

Пульс — семьдесят восемь ударов в минуту!

— Пошло! — закричал Тихонов, срывая маску с уха. — Синусовый ритм! Давление растёт: сто десять на семьдесят!

Сердце Полины сокращалось мощно, выбрасывая в сосуды живую кровь. Оно билось само.

— Снижаем подачу АИК, — голос Льва дрогнул. — Три литра... два... один... Стоп насос!

Канюли выскользнули из сосудов. Аппарат искусственного кровообращения затих. Сердце Полины поддерживало кровообращение само. Сатурация на мониторе вспыхнула девятью девятью процентами.

— Анастомозы сухие, герметичность полная, — произнес Лев. — Послойный остеосинтез грудины. Зашивайте.

Я вышла в предоперационную. Сил не было. Стянув перчатки, я опустила на банкетку у кафельной стены. По щекам катились горячие слезы счастья. Мы победили.

Дверь тихо отворилась. Вошел Лев.

Он стащил влажную маску. На переносице горел багровый след, под глазами залегли темные круги, но в серых глазах пылало ослепительное торжество.

Он подошел, взял меня за предплечья и поднял с банкетки.

А затем крепко, властно и бесконечно бережно прижал к своей широкой груди.

Я уткнулась лицом в его плечо, чувствуя влажный хлопок куртки, запах антисептика и его пьянящее мужское тепло. Его руки сомкнулись у меня на спине, защищая от всего мира, и я услышала, как ровно и бешено колотится его сердце.

Лев коснулся губами моих волос и глухо выдохнул:

— Мы вырвали ее, Злата... Без твоего мужества этого чуда бы не случилось. Спасибо тебе, родная моя.

Я закрыла глаза, не желая разжимать объятий. Между нами родилось то, что больше никто не сможет разрушить.

* * *

Стрелки часов в холле ожидания показывали ровно пять утра. Шторм за окнами выдохся, сменившись моросью, а восток окрасился в розовый рассвет.

Я вышла в холл. На скамье возле дверей реанимации сидела мать Полины — сорокадвухлетняя Анна Сергеевна. Осунувшаяся, в стареньком вязаном кардигане, сжимающая в онемевших пальцах деревянную иконку.

Услышав шаги, женщина попыталась встать... и ее колени подогнулись. Она начала оседать на пол, теряя сознание от нервного истощения.

Я подхватила ее под мышки за секунду до падения, бережно усадила на диван и поднесла к носу салфетку с нашатырем:

— Анна Сергеевна! Дышите, милая!

Женщина судорожно всхлипнула и вцепилась в мои рукава, глядя с нечеловеческим ужасом:

— Златочка... Поля?... Поленька умерла?! Скажи правду... я выдержу!..

Я опустила перед ней на колени, накрыла ее ледяные пальцы своими ладонями и заглянула в глаза:

— Анна Сергеевна, посмотрите на меня. Полина жива!

Женщина замерла:

— Жива?..

— Жива, — отдельно повторила я, улыбаясь сквозь слезы. — Операция завершена. Сердце встало идеально. Оно бьется само, давление в норме. Ваша дочь спит. Мы спасли ее.

Лицо матери исказилось судорогой счастья. Она закрыла лицо руками и зарыдала — навзрыд, выплакивая весь пережитый ужас. Она прижимала мои руки к мокрым щекам и шептала:

— Живая моя девочка... спасибо... спасибо...

— Пойдемте, я покажу ее вам.

Мы подошли к смотровому окну третьего бокса реанимации.

Полина лежала на согревающем термоматрасе Bair Hugger под легким одеялом. Ее щеки окрасились нежным румянцем. Монитор передавал ровный ритм: пульс 74, давление 112 на 68.

Анна Сергеевна прижалась лбом к стеклу, протягивая руку навстречу дочери:

— Ласточка моя... спит... дышит сама...

— Сегодня врачи оценят, когда можно снять трубку, — тихо сказала я. — Сердце сокращается великолепно.

Дверь шлюза щелкнула, и в коридор вышел Лев Мещерский.

Увидев хирурга, Анна Сергеевна Морозова, мать девочки, опустилась на колени на кафель:

— Доктор... Лев Николаевич... святой человек...

Лев нахмурился и легко поднял женщину на ноги:

— Анна Сергеевна, прекратите. Никогда не становитесь на колени перед врачами. Мы просто сделали свою работу.

Он повернул голову и посмотрел прямо на меня:

— Но если хотите благодарить — благодарите Злату Романовну. Это она приняла вертолет в ураган на залитой дождем крыше. Это она телом спасла контейнер от падения и стояла насмерть перед вооруженными бандитами, не отдав сердце вашей дочери тем, кто хотел его купить. Злата — ангел-хранитель вашей девочки.

Анна Сергеевна повернулась ко мне, дрожащими руками расстегивая на шее цепочку с потемневшим серебряным крестиком:

— Златочка... возьми. Это крестик моей мамы, намоленный... Пусть хранит тебя всю жизнь...

Я сжала ее пальцы обратно вокруг крестика и поцеловала в висок:

— Спасибо за материнское сердце, Анна Сергеевна. Но этот оберег должен остаться у вас и у Полины. Моя награда — слышать, как ровно бьется ее пульс. А теперь идите в комнату отдыха, вам нужно поспать.

Когда мать увели, мы вошли в тихую ординаторскую.

Лев достал две керамические кружки:

— Чай с чабрецом и лимоном. Тебе нужно согреться, Злата.

Он поставил передо мной горячий чай, сел рядом на диван, и наши плечи соприкоснулись. От него веяло надежностью и тем мужским покоем, которого я не знала долгие годы. Я обхватила теплую кружку ладонями:

— Когда после первого разряда монитор выдал асистолию... я думала, все кончено. Твои руки сотворили невозможное, Лев.

Мещерский кончиками пальцев коснулся моей щеки, убирая светлую прядь волос:

— Мы сделали это вместе, Злата. Ты и я. Теперь мы одна команда. И я никому не позволю тебя сломать.

В этот момент телефон защищенной связи на столе взорвался тревожным трезвonom.

Лев снял трубку на громкую связь. Из динамика донесся голос юриста центра:

— Лев Николаевич! Злата Романовна! ЧП! Адвокаты холдинга Каверина и клиники «Био-Прайм» подали срочный иск в суд и заявление в Генеральную прокуратуру и Росздрав-

надзор! Они требуют опечатать серверы регистра доноров, изъять историю болезни Морозовой и отстранить вас обоих от работы по обвинению в хищении биоматериалов! Завтра в десять утра они продавливают экстренную выездную комиссию Росздравнадзора прямо у нас в Центре! Они готовят показательную расправу!

В комнате повисла тишина.

Я опустила чашку, чувствуя холодную волну. Враг бросил в бой всю мощь своих денег и связей.

Лев поднялся с дивана во весь свой богатырский рост. Его широкие ладони легли мне на плечи — горячие и надежные, как гранитная броня:

— Пусть идут, — чеканно произнес он, глядя на встающее над Москвой багряное солнце. — У нас чистая совесть, закон и живое сердце спасенного ребенка. Завтра на комиссии я буду стоять за тебя до последнего, Злата. Мы примем этот бой. Вместе.

Глава 3

Шесть сорок утра. Белесый рассвет медленно вползал в панорамные окна седьмого этажа, стирая тени ночной грозы. Больничный парк внизу тонул в сизой дымке.

Я сидела за терминалом на посту координатора, не чувствуя собственного тела. Двадцать часов на ногах. Пальцы одеревенели, в висках пульсировала глухая боль, но в единую государственную систему ЕГИСЗ требовалось внести итоговый протокол приживания донорского трансплантата Полины Морозовой.

Я ввела параметры тканевой совместимости, подтвердила верификацию криптоключом и нажала «Синхронизация».

Шкала замерла на девяноста девяти процентах. Экран моргнул и выбросил багровое системное окно: «Ошибка шлюза 0x44F. Доступ заблокирован внешним администратором сети».

Сердце пропустило удар. Теневые айтишники из клиники «Био-Прайм» пытались сорвать регистрацию операции в федеральном реестре, чтобы объявить забор органа неучтенным!

— Не выйдет, господа, — прошептала я побелевшими губами.

Выдернув сетевой патч-корд, я перевела терминал на резервный оптоволоконный канал и активировала аварийный криптографический протокол. Локальный кэш запечатал пакет данных неизменяемыми таймкодами и цифровой подписью. Секундная стрелка дернулась — и статус сменился на темно-зеленый: «Пакет зафиксирован в национальном реестре. Приоритет подтвержден».

Я шумно выдохнула и поднялась, чтобы дойти до ординаторской за глотком воды.

Створки лифта с лязгом разъехались. Из кабины выскочил дежурный администратор дирекции с жесткой планшеткой под мышкой.

— Воронова! — окликнул он меня звонким начальственным фальцетом. — Главный врач требует вас на ковер ровно к восьми ноль-ноль! По поводу ночного инцидента с охраной господина Каверина и захвата вертолетной площадки! Вы превысили полномочия!

Я остановилась и посмотрела на него ледяным взглядом:

— Передайте исполняющему обязанности: пока пациентка находится на продленной вентиляции в раннем послеоперационном периоде, мое место — у ее постели. Объяснения я дам. Но планерка подождет, а пациентка — нет. Хотите объяснений — надевайте бахилы и заходите в шлюз.

Клерк осекся, попятился под моим взглядом и юркнул обратно в лифт.

Я толкнула дубовую дверь ординаторской — и в тот же миг пол ушел из-под ног. В глазах потемнело, по затылку скатилась ледяная капля пота. Банальный гипогликемический срыв после суток адреналина. Колени подогнулись.

Упасть мне не дали.

Две сильные мужские руки подхватили меня под мышки, властно оторвали от пола и опустили в глубокое кожаное кресло у окна.

— Держу, Злата. Держу. Дыши, — раздался над ухом знакомый низкий баритон.

Лев стоял передо мной на одном колене в расстегнутой медицинской куртке. Его широкие ладони обхватили мои озябшие пальцы, согревая их сухим яростным теплом.

— Лев Николаевич... простите, — пробормотала я от смущения. — Сахар упал... Сейчас встану, мне нужно к девочке...

— Никаких «Львов Николаевичей». И никаких «сейчас встану», — отрезал он без тени прежней суровости.

Он поднялся и протянул мне большую керамическую кружку, от которой поднимался густой пар. Рядом с ней он поставил свою чашку — с черным кофе, пахнущим корицей и горьким шоколадом.

— Тебе кофе сейчас нельзя, сосуды спазмированы. Пей. Горный чабрец, лимон и тростниковый сахар. Сам заваривал.

Я обхватила чашку. Терпкий медовый аромат трав ударил в лицо, прогоняя дурноту.

А затем Лев приблизился вновь. Его чуткие пальцы коснулись затылка, нащупали завязки моего тугого медицинского колпака и мягко потянули за узел. Колпак соскользнул. Густые светлые волосы рассыпались по плечам. На мгновение его пальцы задержались у моих висков, едва ощутимо коснувшись кожи, отчего по ключицам прокатилась обжигающая сладкая дрожь.

— Вот так, — тихо произнес он, глядя мне в глаза своими серыми, оттаявшими глазами. — Ты отдала всю себя без остатка этой ночью. Теперь моя очередь беречь тебя.

Сладкий горячий чай разлился по телу живительной волной, выжигая слабость.

— Полина... как она?

— Синусовый ритм стабильный, давление сто десять на семьдесят. Кардиотоники перекрыты, трансплантат справляется сам.

Лев снял с вешалки свое тяжелое темно-синее суконное пальто, пахнущее ветром, табаком и его собственным чистым мужским теплом. Он заставил меня лечь на диван, подложил подушку и заботливо укрыл пальто поверх ног до подбородка. Плотная шерсть обрушилась спасительным щитом.

— Спи сорок минут. Это приказ заведующего. Дверь на замке.

Веки налились свинцом. И в последний миг перед сном я почувствовала, как его ладонь невесомо поправила выбившуюся прядь у моего уха, а у виска прозвучал тихий шепот:

— Спи, моя хорошая. Никто тебя больше не посмеет обидеть. Я рядом.

* * *

В девять тридцать утра я спустилась на первый этаж в блок приема передач. Сорок минут сна под пальто Льва и горячий чай вернули меня к жизни.

У турникетов шлюза стоял надрывный женский плач, перекрываемый визгливым начальственным криком.

— Вы глухая или припадочная?! — голосила корпусная санитарка, уперев руки в бока. — В реанимацию положены только памперсы в заводских пачках! А вы мне суете этот пылесборник блохастый?! Да я его сейчас в помойку швырну!

Она оттолкнула полиэтиленовый пакет. На холодный кафель выпал старенький плюшевый медвежонок — застиранный до белизны, с потертыми лапами и черной пуговицей вместо правого глаза.

Перед стойкой на коленях стояла мать Полины, Анна Сергеевна Морозова, судорожно пытаясь дотянуться до игрушки:

— Пожалуйста... умоляю... Это папа ей подарил, перед тем как погибнуть на шахте. Поля без мишки не проснется, испугается...

Санитарка уже занесла ногу в резиновом сабо, чтобы пнуть пакет под батарею.

Я шагнула вперед, перехватила игрушку на лету и ледяным движением остановила санитарку:

— Клавдия Ивановна. Еще одно оскорбление родственников — и я подам докладную о вашем обращении с людьми. За санитарный режим реанимации отвечаю я лично. Вон отсюда.

Санитарка осеклась и торопливо скрылась за перегородкой. Я помогла Анне Сергеевне подняться и сжала ее холодную ладонь:

— Не плачьте. Полина получит своего мишку, как только снимем трубку. Обещаю.

Поднявшись в Центральное стерилизационное отделение, я подошла к столу старшей операционной медсестры Веры Сергеевны Плетневой.

— Злата Романовна, ты с ума сошла? — покачала головой опытная медсестра, глядя на мишку. — Автоклав выдает сто тридцать четыре градуса влажного пара под давлением в две атмосферы. Внутри синтепон. Он выйдет оттуда черным комком жженой резины!

— А мы используем установку «Sterrads», — я указала на серебристую камеру низкотемпературной плазменной стерилизации. — Пероксид водорода под вакуумом при пятидесяти градусах. Пероксидная плазма глубоко проникнет в волокна, уничтожит все микроорганизмы до абсолютной асептики и распадется на воду и кислород. Игрушка останется сухой и безвредной для бокса класса «А».

— Голова ты, координатор, — улыбнулась старшая медсестра Вера Сергеевна Плетнева. — Запускай.

Перед упаковкой я внимательно ощупала мишку. В левой плюшевой лапке прощупывалось что-то плотное.

Взяв скальпель, я подцепила край фабричного шва. Из лапки показался крошечный пожелтевший листок из тетради в клетку, сложенный треугольником.

Я осторожно развернула его. Детский, старательный почерк:

«Папа, я держусь. Сердце скоро прилетит, врачи сказали потерпеть. Я очень хочу жить и вырасти, чтобы стать кардиохирургом, как ты мечтал. Твоя Поля».

Горячий ком сдавил горло с такой силой, что обожгло веки. Девочка спрятала в старой игрушке письмо отцу — свою веру и самую недавнюю надежду. И этой ночью чужое сердце действительно прилетело к ней сквозь бурю.

Я бережно вернула записку в лапку, взяла иглодержатель с тончайшей нитью Викрил 4-0 и ювелирными микрохирургическими стежками восстановила шов. Ни один человек в мире не догадался бы о тайнике.

— Готово к плазме, Вера Сергеевна. Запускайте цикл.

* * *

Одиннадцать утра. Бокс детской реанимации № 3 был залит мягким солнцем.

На кровати лежала Полина. Лицо девочки порозовело, но из уголка рта выходила дыхательная трубка, подключенная к аппарату ИВЛ. Аппарат мерно шумел, вдывая смесь в легкие.

Анестезиолог Борис Тихонов хмурился над бланком анализов:

— Злата, Лев Николаевич, трубка стоит с ночи. У истощенных подростков отек голосовых связок развивается в шестидесяти процентах случаев. Выдернем трубку — получим ларингоспазм со стридором. Давайте оставим вентиляцию до вечера?

— Нет, — я вывела на монитор ультразвуковое сканирование шеи. — Посмотри на воздушный столб трахеи, Борис. Просвет девять миллиметров, слизистая спокойная. Лишние часы на ИВЛ при иммуносупрессии — прямой путь к госпитальной пневмонии. Я уже провела ингаляцию будесонида через дыхательный контур, спазм заблокирован.

Лев кивнул, вставая с противоположной стороны кровати:

— Перекрывай пропופол, Тихонов. Начинаем экстубацию.

Подача седативного прекратилась. Через две минуты веки Полины дрогнули.

Очнувшись, девочка ощутила распирающий горло пластик, в ее синих глазах вспыхнул ужас, пальцы судорожно вцепились в простыни. Пульс на мониторе подскочил до ста тридцати!

— Не надевать вязки! — скомандовала я санитару.

Я опустила к изголовью, накрыла ее дрожащие ручки ладонями и заглянула прямо в расширенные зрачки:

— Поленька. Посмотри на меня. Это Злата. Всё позади, родная. Твое новое сердце бьется само. Не борись с трубкой, вдохни носиком со мной... Вдох... умница... выдох... Мы сейчас уберем ее, и ты будешь дышать сама. Я с тобой.

Девочка сфокусировала взгляд на мне, ее дыхание выровнялось, а пульс плавно опустился до спокойных восьмидесяти ударов.

— Тихонов, сдувай манжету, — скомандовал Лев.

Анестезиолог подсоединил шприц к клапану контрольного баллончика, но поршень не сдвинулся:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.